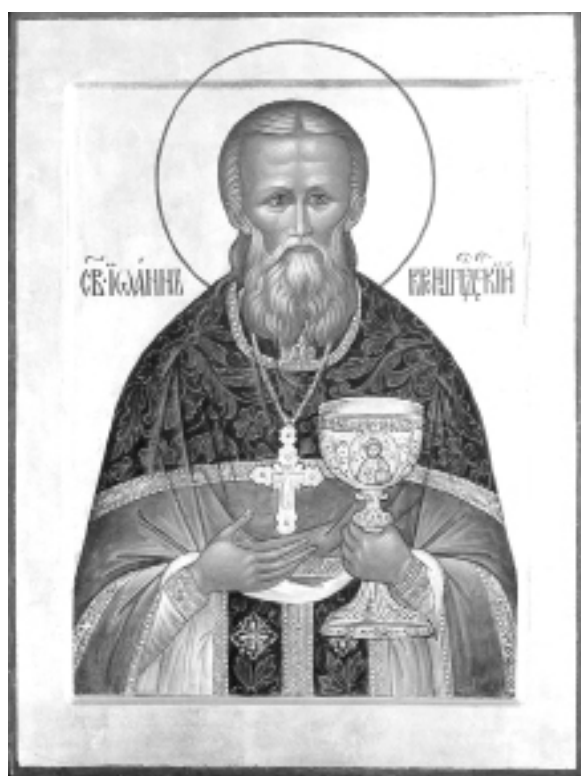

ПЕСТОВСКИЙ АНГЕЛ

Приходская Православная
газета церкви
во имя святого праведного
Иоанна Кронштадтского
г. Пестово

№ 10 (ОКТАБРЬ) 2017

Издается по благословению Преосвященного Ефрема
Епископа Боровичского и Пестовского

БЛАГОДАТНЫЙ ПОКРОВ

Сегодня мы празднуем день Покрова Пресвятыя Богородицы. Событие, которое легло в основу этого праздника, было в Константинополе, во Влахернском храме Пресвятыя Богородицы, во время всеобщего бдения. Всеобщее бдение - это служба, от которой у нас теперь осталось в основном одно название. А вначале это было продолжительное богослужение, молились всю ночь, поэтому служба и называется - всеобщая. Вообще на востоке богослужения совершаются чаще всего ночью, потому что днем очень жарко, трудно, а тут — ночная прохлада. Во время этого богослужения Андрей, Христа ради юродивый, со своим учеником Епифанием и со всеми молились и увидели видение: стоящую в храме на воздухе Матерь Божию, молящуюся на коленях Сыну Своему и Богу нашему за род человеческий, с Ней — ангелы, архангелы, апостолы, пророки...

Заступнице усердная, Мати Господа вышняго, за всех молиши Сына Твоего Христа Бога нашего...

И, молясь, Матерь Божия простирала перед Собой омофор, то есть широкую ленту, покрывающую людей, поэтому день этот называется - Покров. Она покрывает нас Своим омофором.

Радуйся, Радосте наша, покрой нас от всякого зла честным Твоим омофором.

Омофор — это главная часть архиерейского облачения, которая символизирует собою благодать архиерейства, высшую, апостольскую благодать священноначалия христианской Церкви.

Диакон имеет ленту с крестами, которая лежит обычно на левом плече, а другой ее конец он держит в правой руке и призывает к молитвам. Она называется орарь, от слова оранта — молиться, по-гречески.

Священник имеет епитрахиль, это та же самая лента, которая спускается с двух плечей и символизирует собою благодать священства и еще — овча, которое он несет на раменах своих, то есть на плечах.

Эта же лента, которая имеет три конца — это архиерейский омофор, и тоже знаменует собой овча, поэтому при облачении архиерея читается молитва: овча заблудшее взем на рамена своя.

Таким образом, омофор знаменует в христианской Церкви благодать. То есть, предстательством Матери Божией Божественная благодать покрывает всех нас, православных христиан.

Нашей Русской Православной Церкви особенно по сердцу пришелся этот праздник. Вы знаете, что существует много праздников, дней памяти святых, но некоторые из них особенно почитаются у нас, как-то особенно близки нам по своему духу, по своему устройению. Всем вам известен наш святитель Николай. Наш — хотя он грек по происхождению, но по духу он настолько близок русскому православному человеку, что на Руси был как русский святой. Он, кстати, именуется в числе русских святых — причислен, как мы говорим, к лику русских святых.

И Покров тоже. В Греции этот праздник не отмечается так, как у нас — как великий праздник. Хотя явлен был там. Но видел это явление Андрей, Христа ради юродивый - славянин по происхождению. И в этом — удивительное свидетельство непостижимых путей Промысла Божия. Славянское семя, павшее на греческую землю, произрастило такого подвижника особого рода, Христа ради юродивого, Андрея. И ему, славянину, можно сказать русскому человеку, было открыто предстательство Матери Божией за род христианский.

Во всех этих примерах — непостижимая Премудрость Божия.

Мир весь, земная, мирская мудрость кичится. Но Бог избрал немудрое мира (1 Кор. 1:27), как говорит апостол Павел. Именно в этом смысле для славян, православных русских людей было характерно как бы отвержение земной мудрости. Ведь вот другие изобретали всякие особые усовершенствования, вводили в хозяйство новшества. А мы этим не увлекались.

(Продолжение на стр.3)

(Продолжение)

Нет, были и на нашей земле изобретения и некие достижения, но преимущественно было духовное видение всего, что происходит. Поэтому в некотором смысле, как говорят теперь, Россия отстала от Европы. Но отстала — это не значит, что в худом смысле. Есть такое выражение: он, говорят, отстал от пьянства или от какого-то еще порока. Значит, отступил от него. В этом смысле можно сказать и об отступлении славян — что они во главу угла поставили духовное начало. И потому Господь благословлял простые труды, ибо упование было, прежде всего, на помощь Божию, а не на, выражаясь современным языком, химию и технику. Ведь особых, поражающих своей оригинальностью, новшеств на Руси не было. В земледелии были, прежде всего, соха, лошадь. В труде была, как изображается иногда, отсталость. «Отсталость» страны, которая должна была к 1922 году выйти на первое место в мире по всем показателям. Если вдуматься во всё это, иногда приходит такая мысль: не то ли самое юродство это было? Которое для других было юродством, но удивительным образом Господь через духовность благословлял простые труды и давал такое искусство, что люди одним топором могли сделать то, для чего теперь нужна масса технологий — например, чтобы какую-нибудь ложку сделать. Это знамение того, что всё совершает, прежде всего, благодать Божия. Когда народ отступил от благодати Божией и забыл о благодатном Покрове, ударился в достижения человеческого разума, он в течение нескольких десятков лет всё разрушил, испакостил, и мы свидетели тому, к чему приходят люди без благодати, без помощи Божией.

Покров Пресвятыя Богородицы — это знамение покрывающей нас, укрепляющей, сохраняющей благодати Божией.

протоиерей Валериан Кречетов

ИСПОВЕДЬ РАЗ В НЕДЕЛЮ

В одном из храмов нашей Русской Православной Церкви прихожане услышали следующее объявление: «Отныне с Исповедью, – сказал отец настоятель, – у нас будет такой порядок: в понедельник исповедуемся, и потом всю неделю можно причащаться». Многие смутились и выразили свое несогласие с этим нововведением. Но кто же в данном случае прав – батюшка, поставленный Церковью блюсти чад Божиих, или народ, воспротивившийся предложенной им практике?

Согласно традиции Русской Церкви, перед каждым причащением Святых Христовых Таин православный христианин обязан очистить свою душу от грехов в Таинстве Исповеди. Ныне же некоторые модернистски настроенные священнослужители решили изменить веками установившийся порядок. Что потеряют или обретут православные верующие, если примут навязываемые реформы?

Чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к наставлениям людей, живших богоугодно, – к наследию наших подвижников благочестия. В «Записках» приснопамятной Леушинской игумении Таисии (†1915) приводится ее видение, признанное духовным отцом матушки святым праведным Иоанном Кронштадтским истинным, имеющим божественное происхождение. Этот эпизод позволяет трезво взглянуть на проблему Причащения без Исповеди.

В предисловии игумения Таисия описывает ситуацию, вызванную непониманием ее духовных запросов окормлявшим матушку на тот момент белым (женатым) священником. По указанной причине, исповедуясь, она не раскрывала перед ним подробно свои душевные язвы и немощи, и Таинство превратилось в формальность. И

вот однажды Господь вразумил подвижницу в сонном видении. Матушка вспоминала:

«После вечерни, которую я слушала в церкви, будто бы я осталась в ней поправлять лампы, чего на самом деле никогда не делала, потому что не несла послушание свечницы. В церкви – сумеречный полумрак, глубокая тишина, никого нет. Я одна хожу с лампадами то к одной, то к другой иконе. Вдруг я увидела у себя на руках

(Продолжение на стр. 5)

(Продолжение)

Младенца весьма малого, но такой неопишуемой красоты, светлого, прозрачного – и сказать не могу, как Он хорош! Но, к великому моему изумлению, Он кажется мне мертвым. Я ужасаюсь этой мысли и думаю: „Откуда Он взялся у меня на руках?“ На это слышу ответ, не знаю чей: „Из недр сердца твоего“.

Чтобы лучше налюбоваться Им, ибо я понимала и чувствовала, что Он – не простой младенец, а Богомладенец, я поднесла Его к иконе Богородицы, помещавшейся точно так, как в Иверском монастыре Иверская икона – на колонне позади правого клироса, пред каковой горели особенно ярко лампы. Чем более я люблю Им, тем сильнее убеждаюсь, что это Богомладенец Иисус. Я начинаю ходить с Ним по церкви, радуюсь, что никого нет – я заперта в церкви и, следовательно, никто не отымет Его от меня. Умиляюсь, обливаю Его слезами, прижимаю к сердцу, с величайшим благоговением лобызаю Его руки и ножки; и вдруг, обратив внимание на то, что он лежит на моих грязных от лампадной копоти и масла руках ничем не покрытый, обнаженный, совсем без одежды, я подумала: „Как же это я держу Богомладенца такими грязными руками? Да и рукава моего подрясника грязны и засалены. И все белье на мне грязно...“ Я хочу переодеться и ищу, куда бы мне на время положить Богомладенца. Иду опять к иконе Богородицы, против которой на противоположной стороне стоит скамья, на которой я и положила Его. Поспешно стала я раздеваться, но, увы, – ничего чистого не оказалось со мной, так что пришлось надевать на себя все прежнее – только что снятое с себя. Я еще более огорчилась, сознавая, что еще более загрязнила руки о нечистую свою одежду. Вдруг мне вспомнилось, что у меня в кармане есть чистые носовые платки новые. Я тотчас достала их и одними накрыла рукава подрясника, начиная от плеч, другими обернула руки, чтобы снова принять Младенца.

Обернувшись к колонне лицом, я встала на колена, чтобы взять Младенца, но, пораженная

Его красотой, я все еще любовалась Им. И вдруг увидела на колонне белого цвета надпись красными кровавыми буквами „Агнец, за мир закланный“. Это еще больше убедило меня и в том, что Он действительно не простой младенец, а Богомладенец Иисус, и в том, что Он мертв, а не спит. Еще с большим благоговением поклонившись Ему, я лобызала Его святые стопы и, простирая руки, чтобы взять Его, воскликнула: „Коима рукама прикоснуса нетленному Твоему Телу, Агнче Божий?“ И что же? Мертвый Богомладенец милостиво, ласково взглянул на меня и произнес: „Теперь ты чувствуешь, каково принимать неочищенную совестью Агнца, за мир закланного?“ Так премудро и милостиво вразумил меня Господь к должному приготовлению к принятию Святых Таин», – заключила свой рассказ игуменья Таисия.

А теперь в свете вышеописанного взглянем на рассматриваемую нами проблему. Матушка Таисия сознавала свою греховность и исповедовалась (хоть и кратко, поверхностно) перед каждым принятием Святых Христовых Таин. Но Господь укорил ее в небрежении об очищении своей совести. А что же изречет Богомладенец тем, которые дерзают причащаться вообще без какой-либо подготовки? И будет ли им Причащение «во оставление грехов и в жизнь вечную»? Не исполнится ли на таких горе-причастниках слово апостола: Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы (1 Кор. 11, 30)?

Максим Бойко

ЛЮДИ ЗА СПИНОЙ

Гляньте на любого человека. Хоть в метро, хоть в очереди к кассе коммунальных платежей. Хоть в парке на пробежке, хоть на базаре у прилавка. Гляньте. Перед вами – чудо. Замрите на миг. Это чудо, не осознанное нами по причине многочисленного наличия всюду таких же «чуд». Но все-таки. У этого (любого) человека неповторимый набор чего-то, предположим, хромосом. Уникальный рисунок отпечатков пальцев, радужной оболочки глаза и прочее. Добавьте сюда хитрую смесь талантов, порочных склонностей и добродетелей, которые отчасти унаследованы, отчасти впитаны из среды или приобретены сознательно. На этого человека влияли прочитанные книги или их отсутствие, среда воспитания, религия, язык. И он, право, уникален. Чудо, как ни крути! Об этом с разных сторон, но одинаково знают криминалисты и богословы.

Но идем дальше. Это не чудо, выросшее в воздухе. У этого человека (любого, то есть) есть конкретные папа и мама. Они тоже из плоти и крови, у них тоже неповторимый, отличный от их ребенка рисунок на пальцах, зрачке и так далее. У них своя неповторимая смесь грехов и добродетелей, порочных склонностей и высоких порывов. В какой-то момент они зачали этого третьего, которого мы условно видим. Зачатие было тайной. Это совсем не производственный процесс, но таинство, пусть даже и не осознанное участниками. Это священное и краткое безумие, никак не похожее на серые будни. После этой краткой мистерии на небесах тихо сказано: «Зачался человек. Была любовь или была иллюзия ее; случайно все было или долго готовилось – оставим. Не наше дело. Вот перед нами человек (в очереди, на пробежке, в метро...), и его-таки зачали. Он и есть живое чудо, явившееся в результате другого чуда, ночного, и никому не понятного».

Идем дальше. Умерли твои родители или живы, они – за спиной твоей. Это читается по чертам твоего лица, по голосу, по твоим привычкам и склонностям, короче, по той тысяче

мелочей, которой пахнет живой и конкретный человек. Родители твои в тебе живы. Даже если уже умерли. Они за спиной твоей. Всегда. Они в интонации голоса твоего, в манере тушить или прикуривать сигарету, сморкаться, они в твоём почерке, в произношении некоторых букв...

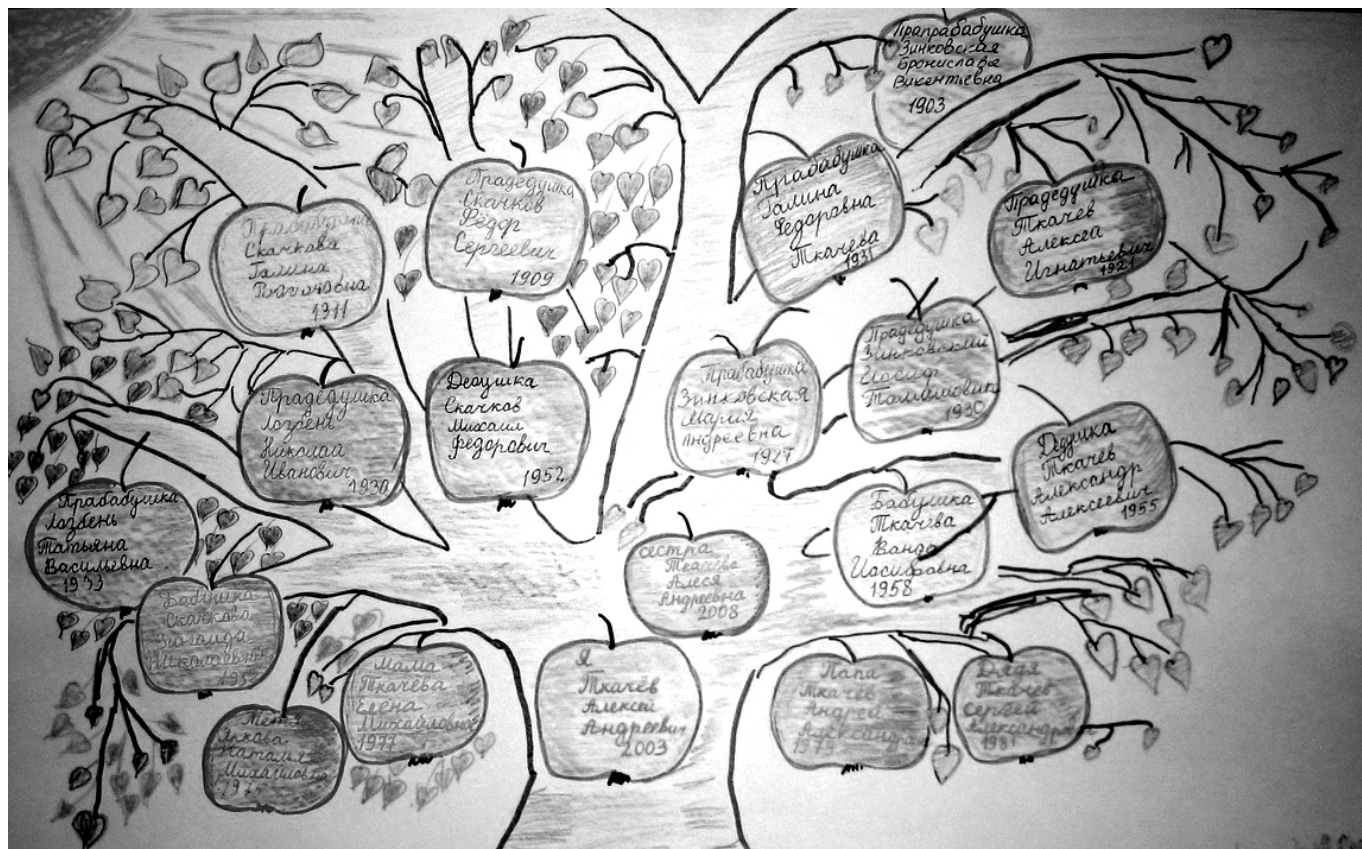
Современная жизнь свистит всем в оба уха, что прошлое – ничто и цена его – никакая. Дескать, есть я, и все. Даже не так. Есть Я, и пошли вы все... Не обижайтесь. Это так и называется. Но это ложь. Нарисуйте треугольник. Равносторонний. Верхняя его точка – это, вестимо, вы. Но нижние две – папа и мама. Любишь – не любишь, живы – умерли, но они есть. Они вполне конкретны, как тот солнечный луч, что прямо сейчас вонзился в окно сквозь занавеску. Их боль – в тебе, их грех – в тебе, их мечты – в тебе... Дальше сам продолжи. И они за спиной твоей. Поэтому, когда мы видим где бы то ни было конкретного человека, мы можем смело представить себе его отца и мать. Прямо за спиной видимого нами человека. Они – его родители – живые и настоящие. Настолько же настоящие, как и этот, видимый нами человек. Не будь их – для нас невидимых – не было бы и этого дядьки или тетки, столь очевидно видимых нами.

Итак, треугольник нарисован. Его верхняя вершина – я. Для пошляков – Я. Две нижние – папа и мама. Грешные, глупые, святые, добрые, красивые, сильные, беспомощные... Не важно. Какие хочешь. Просто папа и мама. Но они тоже взяли не из воздуха. У каждого из них, в свою очередь, есть тоже папа и мама. И они тоже были таинственно зачаты, с болью рождены, ласково выкормлены, с подзатыльниками воспитаны. Треугольник придется дорисовывать. У каждого за спиной свой треугольник. И так, погружаясь вглубь, мы будем вынуждены подумать еще о бабушке и дедушке со стороны матери и о бабушке и дедушке со стороны отца. Это тоже живые и конкретные люди, прожившие свою жизнь и допившие до дна свою личную чашу.

(Продолжение на стр. 7)

(Продолжение)

Их мечты и дерзания, падения и ошибки тоже отлились в наших отцов и матерей, а значит – и в нас самих во второй степени удаления. Дальше дерево разрастается! Дальше оно грозит именно разрастись корнями в самую что ни на есть глубину, захватывая сначала десятки, а потом сотни, а потом и тысячи человек. Все это будут конкретные люди, которых мы в глаза пока не видали (до Страшного суда), но которые реально на нас уже повлияли своей прожитой жизнью. Все это дерево потом прекратит разрастаться вширь, сузится и сойдется в одной паре – в Адаме и Еве. Так-то.

Но закончим...

Итак, за каждым из нас туда, назад, в глубину и в тьму прошедших веков разрастается странное дерево, состоящее из живых людей: настоящих, обычных, типичных (или из ряда вон выходящих). Мы с ними связаны, хотя в глаза их, повторюсь, не видали. Они влияют на нас. Влияют фактом пройденного жизненного пути и вкушенной смерти. А мы на них? А мы

на них тоже. Зря что ли, думаете, в Церкви есть родительские субботы и вселенские поминания усопших? Мы ведь можем молитвой как-то постараться исправить их ошибки, а значит – и их плохое влияние на нас. Как бы то ни было, Евангелие говорит: «У Бога нет мертвых». Они и мы – одно человечество, одна разросшаяся непомерно семья согрешившего Адама. Влияние друг на друга возможно в обе стороны.

Вот такое неслучайное и чудесное явление представляет из себя всякий (!) человек, видимый или только представляемый. И убивать его нельзя, и обижать его нельзя, и уважать его надо, ибо он – чудо. За усопших молиться тоже надо. Нужно связывать поколения. И много еще чего хорошего надо, исходя из того, что человек глубок и чудесен. Пусть даже в быту он примитивен и заземлен. Это ничего. Главное, что нити от него тянутся во все миры, и он всегда не один. Всегда у него за спиной кто-то.

Протоиерей Андрей Ткачев

А У ВАС ЕСТЬ ПРОБЛЕМЫ ?

- Здрасьте-здасьте, проходите на кухню. Я сейчас. Только ногти досушу...

- Ногти? Какие ногти? - опешила психолог.

Она работает в хосписе. В детском хосписе. Она работает со взрослыми, у которых умирают дети. Это не работа, а наказание. Постоянный контакт со смертельным отчаянием.

Ее клиенты не красят ногти. Не одевают яркое. Не смеются. Не улыбаются. Не празднуют праздники. Не ходят в кино.

Они носят черные платки. Смотрят в одну точку. Отвечают невпопад. Подолгу не открывают дверь.

Они живут в ожидании черного дня и делают черным каждый день ожидания.

Психолог нужен для того, чтобы прогнать из головы таких родителей мысли о смерти. О своей смерти. Потому что когда уйдет ребенок, зачем жить?

Психолог должен объяснить зачем. Помочь придумать новое «зачем». И поселить это новое «зачем» в голову мам и пап, давно и привычно живущих на грани отчаяния.

- Какие ногти? – переспросила психолог. – Вы мама Анечки? Вы Снежанна?

- Ямама, мама. Вот эти ногти, - засмеялась Снеж. Показала красивый маникюр с блестящими, как леденцы пальчиками.

Снеж 30 лет. 2 года назад ее четырехлетней дочке поставили диагноз. Онкология. 4 стадия.

Диагноз, определивший конечность жизненного отрезка её дочери. Два года. Два раза по 365 дней. «Плюс-минус 720 дней», - посчитала Снеж и упала в колодец отчаяния.

В колодце не было дна. Когда Снеж смотрела на дочку, она все время летела вниз, испытывая нечеловеческие перегрузки. Ей даже снилось это падение. Во сне она отчаянно цеплялась за стенки колодца, сдирая пальцы в кровь, ломая ногти, пыталась замедлиться, остановиться. Просыпалась от боли. Болели пальцы. И ногти болели. Желтели. Грибок, наверное. Снеж прятала желтизну под нарядный маникюр.

Конечно, они боролись.

Снеж отчаянно карабкалась. Хваталась за любую возможность. Традиционная медицина. Нетрадиционная. В один день после утреннего облучения она могла повезти дочь к деревенскому знахарю. А вдруг? Лучевая терапия и отвары целебных трав.

Лучшие диагносты и онкологи.

«А вдруг» закончилось, когда метастазы попали в костный мозг дочки. Снеж поняла: вот теперь - всё. Финальный отрезок пути. Сколько бы там не было дней, они уже без «а вдруг».

Снеж осознала: она больше не сможет ничего изменить. Выбора: жить или умереть – больше нет. Ей, Снежане, придется это принять. Она мгновенно замерзла.

Подождите, но выбор же есть всегда! Даже у осужденного на смерть человека, которого ведут на расстрел, есть выбор. Выбор – с каким настроением туда идти. С остервенением, с обидой, с прощением, с надеждой...

Снеж поняла, что в этом выборе – ее спасение. И согрелась.

Она выбирает жить «как ни в чем не бывало». Она не станет культивировать болезнь и подчинять ей всю жизнь дочери. И свою жизнь тоже. Она не положит на алтарь грядущей смерти больше ни дня из отведенных Господом на жизнь.

Надо ЖИТЬ. А не ЖДАТЬ.

Да, больничная палата и ежедневные инъекции яда в исколотые вены ребенка возможно продлят ее жизнь на несколько дней. Жизнь ли это для пятилетней девочки? Нет. Это мучение.

Анюта все время плакала в больнице и просилась домой. Дома – куклы. Мультки. Смешные журналы. Фрукты. Дома – детство. А в больнице – борьба. Но исход борьбы уже определен, зачем тогда?

Снеж забрала дочку домой. И стала жить-поживать.

- Это она не в себе, - хмуро смотрели на Снежанну другие матери, чьи дети оставались в больничных палатах. – Это она сдалась.

(Продолжение на стр.9)

(Продолжение)

А Снеж в этот момент делала свой осознанный выбор. Она перестала падать в колодец. Остановилась. Подняла голову. И увидела небо. И лучи солнца, дотянувшиеся до нее в колодце.

Снеж крепко сжимала Анюткину ладонь, когда они уходили из больницы.

- Пойдем домой, моя хорошая...

- Мы сюда больше не вернемся? – с надеждой спрашивала девочка.

- Нет, больше не вернемся, - твердо сказала Снеж.

Анюта стала пациенткой хосписа. Ну, то есть жила дома, а там стояла на учёте.

Хоспис – это не про смерть. Хоспис – это про жизнь. Про то, что смерть – это часть жизни. Что умереть – не страшно. Страшно умереть при жизни.

Снеж ценила сотрудников этого заведения. Они всегда были рядом. На расстоянии телефонного звонка. Он всегда готовы были помочь. И они не задавали глупых вопросов. Это важно.

А другие - задавали.

- Как ты? – спрашивали окружающие.

В вопрос зашит глубокий ужас от осознания бескрайности чужой беды и глубокая радость от осознания, что эта беда – не со мной.

- Я – отлично, - честно признавалась Снеж. – Сегодня на карусели поедим. Анютка хочет. Мороженого поедим. По парку пошатаемся.

Люди отводят глаза. Этот текст принадлежит маме здорового ребенка. Его не должна говорить мама смертельно больной девочки.

Люди, ни дня не прожившие в колодце, любят давать экспертные советы о том, как грамотно страдать. У них есть Хрестоматия отчаяния, мокрая от слез.

А у Снеж нет такой хрестоматии. У нее –

альбом с белыми листами. Каждый лист – это новый день. Сегодня мы проживем его на полную катушку. С мороженым и каруселями. Раскрасим яркими цветами и детским смехом. А потом настанет ночь, Анютка заснет, а Снеж будет слушать ее дыхание. Дыхание спящей дочери - лучшая симфония любви на свете. Спасибо, Господи, за ещё один яркий день. Завтра нас ждет новый чистый лист. В какие бы цвета его раскрасить?

Где-то на отрезке Анюткиной болезни от Снеж ушел муж. Страшнее, конечно, что при этом от Анютки ушел папа.

Уходя, муж говорил Снеж что-то обидное. Избивал словами. Снеж не слушала. Она понимала. Он просто сдаётся. Он уходит от страха. Он не хочет каждый день видеть угасание дочери. Это портит качество его жизни. Ему приходится виновато улыбаться. Потому что общество осуждает улыбки в такой ситуации.

Впереди ещё год. Муж не хотел выкидывать год своей жизни в трубу страданий. Муж выбрал первое. Вышел за скобки семьи. И оттуда, из-за кулис, дает ценные советы Снеж.

- Такой активный образ жизни добывает ребенка, - авторитетно заявляет бывший муж, рассматривая в соцсетях фотографии.

(Продолжение на стр.10)

(Продолжение. Начало на стр.8)

На них - счастливая мама с хохочущей дочкой. Подписчики не подозревают, что дочка больна. - Ты ей жизнь сокращаешь.

Снеж молчит. А что говорить? Теоретически он прав. Если бы Анютка лежала сейчас, утыканная иголками, через которые в нее закачивали бы химические препараты на основе яда, она бы, вероятно, прожила дольше. Но... Разве это жизнь для пятилетнего ребенка?

Снеж давно не рефлексит по этому поводу. Просто живет.

Недавно свозила дочку в Парк развлечений. Вот это приключение! Анютка была счастлива. Желтоватые щечки покрывались румянцем. Она целый день проходила в платье Эльзы, она была настоящей, взаврадашной принцессой. Снеж радовалась вместе с дочкой, заряжалась ее восторгом.

Жить, когда у тебя все хорошо - это одна история. А жить, когда у тебя все плохо - совсем другая.

Когда у тебя все хорошо, то можно думать о пельменях и новых обоях в гостиную. А когда все плохо, то все мысли перекрыты шлагбаумом осознания, что метастазы уже перешли в костный мозг ребенка.

Снеж прошла этап отрицания. И гнева. И истерик. Она уже там, на другом берегу. Она - в принятии.

Поэтому она живет, как будто все хорошо. Она сломала шлагбаум и прибралась в голову. Она думает о пельменях и обоях в гостиную. Можно взять бежевые такие, с кофейным оттенком. Будет красиво.

- Снежанна, вы думаете о том, как будете жить...потом? – осторожно спрашивает психолог. Она готова к ответу про суицидальные мысли. И знает, что говорить в ответ.

- Потом? Ну, плана у меня нет, но я знаю, что я сделаю сразу после...

- Что?

- Я уеду на море. Буду много плавать. И загорать. И заплывать за буйки.

- На море? Интересно, - психолог рассматривает Снеж с любопытством. Думает о силе этой измученной испытаниями, но несломленной женщины.

Снеж по-своему понимает этот пристальный взгляд. Она трактует его как осуждение. Она к нему привыкла.

- Вы думаете, это стыдно? Все так думают. Мама. Бывший муж. Соседи. Подруги.

- Я так не думаю, Снежанна, честно. Даже наоборот.

- Я смою в море все эти осуждающие взгляды. Все приговоры. Мне тут сказали, что я... как это... «пафосно страдаю»...

Снеж усмехнулась.

- Снежанна, вы боитесь чего-нибудь? – спрашивает психолог.

- Я? - Снеж задумалась. - Наверно, уже нет. Я боюсь Анюткиной боли. Но есть морфий. А так ничего...

- Анечке хуже.

- Да, я вижу. Не слепая. Но так уже было. Думаю, прорвемся.

- А если нет?

- А если нет, то я не хочу

(Продолжение на стр.11)

(Продолжение. Начало на стр.8)

вскрытия. Не хочу, чтобы трогали ее. И платье Эльзы уже готово. Она в нем была счастлива здесь. И будет там.

Психолог собирается уходить. Она здесь не нужна. Она не скажет этой маме ничего нового. Скорее, наоборот. Эта женщина - сама мудрость и принятие. А может это защитная реакция, блокирующая чувства. А может, жажда жизни. Какая разница? Море... Она хочет на море.

От нее не пахнет отчаянием. Пахнет лаком для ногтей. И немножко шоколадом. Они с дочкой ели шоколад.

Из комнаты в руки Снеж выстреливает Анютка.

- Мама, пойдем раскрашивать новыми фломастерами разукрашку!!! - верещит девочка.

- Я иду, Анют. У нас гости, видишь? Поздоровайся. А то не вежливо...

- Здравсьте, - здоровается девочка и убегает в комнату. Если бы не желтоватый цвет лица и не вздувшиеся лимфоузлы - обычный ребенок, заряженный детством.

Снеж выходит на лестничную клетку проводить психолога.

- Вы – удивительная, Снежанна, - говорит психолог на прощание. - Вы большая редкость. Вам не нужен психолог. Вы сама себе психолог. Я даже советовать Вам ничего не буду. Пожелаю сил и стойкости.

- Угу, спасибо, приятно, - Снеж приветливо улыбается. - Сил и вам тоже. У вас работка - не позавидуешь.

Двери лифта закрываются и не дают психологу ответить любезностью.

Снеж еще минуту рассматривает весеннее небо через грязное окно. Небо голубое, яркое, залитое солнечным светом.

Такое же будет на море. Потом. Снеж будет греться в его лучах. Быстро загорит в черное. Будет вечерами мазать сметаной красные плечи.

А когда придет пора – она вернется сюда.

Вернется, обновленная.

И пойдет работать в хоспис. Психологом. Будет вот также ходить к тем, кто разучился улыбаться, и учить. Учить жить вопреки диагнозам.

Учить ломать шлагбаумы.

Учить думать о море. Учить видеть солнце в колодце.

Она будет показывать людям свои фотографии. На фотографиях – счастье двух людей. И нет болезни. Это они с Анютой в парке. Это - катаются на лошадках. Это - на каруселях. Это - на горке. Это они лопают фрукты. А вот тут - шоколад...

Видите, можно жить. Можно. И нужно. Просто купите пельмени. Просто поклейте обои...

P.S. А вот теперь все, кто прочел этот текст, подумайте: у вас и правда еще есть проблемы?

Ольга Савельева

НАСТОЯЩЕЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Как-то на заре своего беззаботного и почти сказочного периода, называемого неофитством, ехал я в троллейбусе, кажется, в собор на службу. Шла Светлая седмица.

Денек был солнечный и жаркий. Другими словами, типичный для города Николаева майский день. Еду я себе, еду, да преспокойненько так мысленно осуждаю всех и вся вокруг.

Почти каждый вошедший молодой человек поражал меня неаккуратностью своего «прикида», грубой манерой держаться на людях, громкой болтовней с приятелем и прочими нюансами поведения. Можете вообразить, как я оценивал наряды девушек и их манеру держаться? «Какой стыд и срам», «где культура?!», «ну, конечно, где уж у них найти веру в Бога?» Это далеко не полный набор мыслей, проносившихся в моей голове. Напомню, на дворе был конец девяностых, а это значит, что короткие юбки были далеко не самой «неблагочестивой» одеждой. Так называемые «лосины» еще не отжили свое, и отравляя взор кричаще ядовитыми красками, они словно сами просились под колкое словцо. И, конечно же, посреди этого «Содома и Гоморры» восседал я — чистый, добрый и верующий христианин...

И тут мой неофитский взор нашел нечто такое, что сразу заставило позабыть обо всех непристойностях пассажиров сразу. Что волнует едва пришедших в Церковь людей больше, чем сравнительная характеристика стиля одежды «своих» и «не своих»? Правильно — яростное, почти фанатичное, доказывание правоты своей веры всяким, посмевающим не верить во Христа, верить неправильно, смея подвергать православное учение критике, или просто проповедовать разного рода оккультные практики. Надо сказать, что в определенной степени это имело оправдание, потому что еще была свежа память о так называемом «Белом братстве», листовками которого были оклеены все трамваи, троллейбусы и заборы, оставившая неприятное послевкусие в обществе.

Итак, привлекла мое внимание аккуратно наклеенная на стенку салона листовка с

приглашением посетить какое-то собрание для разговоров на «духовные» темы. В общем, без особого труда можно было понять, что это объявление — приглашение в секту.

Совість мне подсказала, что эту листовку нужно сорвать, дабы она не смущала души доверчивых пассажиров и не стала бы причиной гибели чьей-то души.

Однако тут же заговорил иной голос моей «чистой души» — ложный стыд, который, как оказалось, неплохо уживался в моем сознании с яростным неофитством. Еще пару мгновений назад я смотрел на этих людей, как на личностей, мнение которых мне безразлично. Но это было до тех пор, пока бесплодные и бесполезные философствования не подошли к тому пределу, за которым нужно было совершить реальный полезный поступок. И этот-то поступок я сделать все никак не решался. Мало ли, как прокомментируют мое поведение окружающие. Да и не хочется, чтобы все эти девушки узнали, что я — их сверстник — еду в храм. В общем, я благополучно ехал себе да ехал, а листовка не менее благополучно висела на стене салона.

На какой-то остановке в салон вошла дама, сразу же привлекая мое внимание. Ради нее я даже оторвался от созерцания этого объявления.

Дама. Иного слова для описания ее облика я подобрать бы не смог. Это была женщина лет тридцати, модно, но со вкусом одетая, в крупных солнцезащитных очках. Что-то мне и в ней показалось «неправославным», возможно, так называемое в народе модничанье и яркая демонстрация того, что сегодня зовется словом «гламур».

Я повернул голову в ее сторону. Между тем, она купила билет и спокойно села на свободное место неподалеку от двери троллейбуса. Трудно было сказать, куда смотрят затемненные солнцезащитными стеклами ее глаза, но вдруг она встала, уверенной походкой прошла между рядами, уверенным жестом сорвала эту злополучную листовку, смяла ее и запихнула в не менее модную дамскую сумочку.

(Продолжение на стр.11)

(Продолжение)

Затем подошла к своему месту и, сев, повернула голову в мою сторону. Улыбнулась и, видимо, узнав меня, громко и приветливо произнесла: «Христос Воскресе!»

В это мгновение в моей душе произошел переворот, и в полном изумлении я тогда подумал: вот оно — настоящее Православие.

Священник Рустик Вязовский

ИСКАТЬ В СЕБЕ СИЛЫ

Прийти в Церковь еще не значит навеки стать праведником. Каждый человек постоянно прибывает в поиске, и у верующего так же, как у любого человека, бывают сомнения и терзания.

К тому же, в Церкви очень легко расслабиться. Я по себе это знаю. Постишься, причащаешься, едешь в паломнические поездки, встречаешь какой-нибудь большой церковный праздник, и все в тебе будто бы расцветает! И весь ты такой благодатный, что думаешь – ну все, теперь буду таким всегда! А потом – раз, и все кончается. Вернешься из паломничества в Москву, а тут работа: театр, съемки, светская жизнь. Закрутилось, понеслось – утром надо рано вставать, бежать куда-то, времени помолиться нет...

И в какой-то момент говоришь себе: “Стоп! Что-то не так!”. Нет в тебе больше той благодати, которую ты приобрел – расплескалась во всей этой мирской суете.

Увы, это не моя личная проблема. Это обычное искушение любого мирского человека. Так было всегда, это наш крест. Это вовсе не означает, что всем следует немедленно удалиться из мира – у монахов свои искушения. Вообще, искушения есть у всех, и их надо учиться преодолевать.

И если ты имеешь внутри себя искорку настоящей благодати, если в тебе есть эта радость – живи, занимайся своим делом, только

помни, что ты несешь в себе, и будь внимателен – все время следи: а не потухла ли эта искорка?

Конечно, мирские дела, обычная ежедневная суета любого под собой похоронят. Нужно искать в себе силы и хоть немного напрягаться – и думать о Боге. Вечером хочется лечь спать, а ты все равно встань и помолись – это очень важно! Попроси Бога о помощи, чтобы пройти через эти житейские рифы – и работу не потерять, и не уйти в нее с головой, забыв обо всем остальном. А без Божьей помощи до храма не дойдешь. Сил не хватит.

Дмитрий Дюжнев, актёр

ВОЛШЕБНЫЙ НОСОК

Васин отец – актер-неудачник, ушел из семьи когда мальчику не было и трех. Уехал в Болгарию, с тех пор и не объявлялся.

О матери я так и не решился спросить.

Одним словом, с самого глубокого детства всей Васиной семьей был его дедушка.

Дед рвал жилы на двух работах, да только, все накопления поджирала гиперинфляция начала девяностых.

Тяжко приходилось, особенно когда другие дети в детсаде козыряли новыми кроссовками и Сникерсом за щекой, а Вася по бедности ходил в заштопанных дедом колготках.

Приближался новый, тысяча девятьсот затертый год, мальчишка мечтал, что под елкой окажется большая пожарная машина с лестницей, или на худой конец игровая приставка, но утром первого января под елочкой скромно дождался только старый шерстяной носок. Самое обидное, что это был дедушкин носок.

Мальчик запустил внутрь руку и вынул оттуда одну единственную конфетку - это была обычная шоколадная конфета «Белочка»

У Васи, сами собой, заблестели в глазах и потекли по щекам разбившиеся надежды.

Дедушка со вздохом погладил внука по голове и сказал:

- Успокойся, Васятка, чего реवेशь? Перестань. Наоборот, ты радоваться должен, дурачок, ведь тебе очень-очень повезло. Да – это мой носок, ну и что ж такого? Просто Дед Мороз, когда ночью к нам заходил, не нашел другого, не это главное.

Понимаешь - это не просто носок и не просто конфета, теперь – это волшебный носок с волшебной конфетой.

- Волшебной?

- Ну, конечно же.

- Дедушка, а что эта конфета может?

- А вот что: если ты съешь ее и положишь носок вот сюда на полку, то утром, когда проснешься, случится чудо – в носке опять появится точно такая же конфетка. И так каждый - каждый день, хоть сто миллионов лет! Представляешь?

Вася вытер слезы, недоверчиво повертел

конфету в руках:

- А можно попробовать?

- Ну, конечно же, она твоя.

- О, а вкусная какая. Вкуснее чем обыкновенная.

- Ну, еще бы...

...Шло время, волшебный носок ни разу не подвел своего владельца и каждое утро исправно выдавал новое маленькое чудо – шоколадную конфетку «Белочка».

Дети в садике совсем обзавидовались, даже не верили по началу, но воспитательница подтвердила: «Да, ребята, чудеса, редко, но все же случаются, нашему Васе очень повезло с волшебным носком»

Зато дедушке приходилось совсем несладко, уж очень непросто быть ежедневным рабом чудесного носочка. Не всегда удавалось достать именно «Белочку» (просто не было лишних денег), тогда покупались конфетки попроще и оборачивались в специально припасенные фантики от «Белочки». Но дед стойко держался до последнего.

(Продолжение на стр.15)

(Продолжение)

И только когда мальчик уже стал первоклассником, он однажды все-таки сумел не заснуть почти до самого утра и проследить - каким же чудесным образом в носке появляется новая конфета.

...С тех пор прошло много-много лет, мальчик вырос, женился, у него появился свой маленький мальчик. Дедушка еще жив и почти здоров, они живут все вместе большой дружной семьей.

Год назад семья собралась за Новогодним столом, настало время дарить друг другу подарки.

Васина жена подарила деду дорогую электробритву, о которой тот давно мечтал, а правнук преподнес свою картину в рамке. Пришла Васина очередь и он без лишних предисловий вручил деду старый, потрепанный шерстяной носок.

Дед заглянул внутрь, достал из него обычное

зеленое яблоко, и к большому удивлению всех присутствующих, неожиданно зарыдал, а потом вдруг как маленький мальчик вскочил из-за стола и радостно запрыгал:

- Ура!!! Волшебный носочек! А яблоко мое любимое – зеленое! Спасибо, Васятка! Но смотри, чтобы всегда были такие же, слышишь?

- Дед, а зачем ты мне это говоришь? Носок волшебный, он наверняка и сам в курсе дела...

...Было нелегко – дела, работа, хлопоты, но вот уже целый год в дедовом волшебном носке каждое утро, как штык, появляется новое зеленое яблочко. Смех-смехом, но бывало, что даже среди ночи в магазин приходилось гонять.

Иногда Вася уезжает в командировки, жена спрашивает: «Ты надолго?»

И Вася отвечает: «Да, нет, не особо, через два – три яблока вернусь»...

С просторов интернета

ОБРЯДЫ В ХРИСТИАНСТВЕ

Люди, как-то верящие в Бога, но не верящие в Церковь, например, теософы, обычно говорят: “Неужели Богу нужны обряды? Зачем эта формальная сторона? Нужна только любовь, красота и человечность”.

Человек, влюбленный идет к девушке и, видя по дороге цветы, срывает их, или покупает, и несет их к ней, совсем не считая, что это только “формальная сторона”. Это и есть идея церковного обряда.

Любовь к Богу естественно порождает красоту и человечность обряда, воспринимаемого, как цветы, приносимые к ногам Божиим. Вера есть любовь и суть христианства – влюбленность в своего Бога и Господа и тем самым ощущение, что на земле осталось и живет его Тело – Церковь.

Как же могут эти ощущения не выразить себя во внешних действиях, которые мы называем обрядами?

Если же существует одно внешнее, т.е. мертвое действие, то тогда не только в христианстве, но и во всех человеческих сферах, например, в научной, оно будет только бесплодным обманом себя и других. Но говорить об этом — означает ломиться в настежь открытую дверь. Это каждому ясно.

Формализм или, что еще хуже, ханжество, т.е. формализм подсахаренный, не есть христианство, и каждый из нас, уже числящийся христианами, должен проходить этот длинный и узкий путь от нехристианства к христианству, от мертвых цветов к живым.

Сергей Фудель

НЕВЕСТА ХРИСТОВА

Помню, когда я еще только начинал служить, как-то звонит мне староста: — Батюшка, приезжай: у тебя в двенадцать отпевание, настоятель благословил. — Кого отпеваем?

— Девуцу одну, вон уж привезли, лежит в подвенечном платье.

В начале моего священства самым тяжелым испытанием для меня было отпевать детей и молодых людей. Не мог видеть, как плачут родители над умершими детьми, у самого горло перехватывало. А потом понял, что никому не интересно, что ты переживаешь, важно, что ты делаешь. Постепенно научился защищаться от происходящего, как отстраняется от чужой боли врач или судья. Иначе не выдержать. Это со стороны кажется, что страдание равномерно распределяется по всем, а как стал служить, так во всю эту боль с головой и окунулся. Много ее на священнике сходится, ты оказываешься в центре страданий, и кажется, что ничего, кроме них, в мире больше нет.

— Да ты не переживай, отец, — продолжает староста, знает она мою слабость, — этой девице уже за восемьдесят. — Это она так пошутила.

Приехал в храм, захожу. Вижу краем глаза, в боковом приделе стоит гроб, а из него фата выглядывает.

«Вот, — думаю, — нашли развлечение, — это я про сродников, — делать им больше нечего, как на старуху фату напяливать». И появилось у меня к этим людям нехорошее чувство.

Подхожу отпевать, сухо поздоровался с людьми, можно сказать, еле кивнул, и только потом посмотрел в гроб. Посмотрел и остолбенел. Хотите — верьте, хотите — нет, но я увидел такое лицо, от которого невозможно было оторвать взгляд. Это был настоящий лик, такие лики я видел только у святых на древних

иконах. Смотрю и понимаю, что передо мной лежит святой человек. Чаще всего лица умерших ничего не выражают, кроме страданий и следов болезни. Наконец я смог оторвать взгляд от лица усопшей.

— Кто она? Почему у нее такое прекрасное лицо? Почему она в фате? Расскажите мне, и потом будем отпевать, — как пулемет, не останавливаясь, задавал я им свои вопросы.

— Да мы, батюшка, на самом деле ей не родственники, — отозвался мужчина средних лет. — Бабушка Ольга пришла к нам в дом по рекомендации наших друзей, когда у нас появился очередной ребенок и нужна была помощь. Еще у нас тогда мать очень болела, не знали, что и делать. Бабушка помогала нам растить детей, а потом уже и внуков. Много молилась, нас учила. Ходила по другим домам еще ухаживать за одинокими больными стариками. Мы мало

что знаем о ней. Знаем только, что к нам она попала уже далеко не к первым. И до нас она помогала многим, а с нами, просто уже постарев, осталась навсегда.

Бабушка хотела в молодости стать монахиней в миру, но духовник отговорил ее, времена были сложные. Сказал: «Помогай людям и этим будешь служить Богу, а служение это и вменится тебе в монашество». Вот она, как могла, и служила. Ничего у нее своего не было. Все, что имела, отдавала другим. А про фату, так это мы сами решили, все же она невеста Христова.

Я отпевал Ольгу и понимал, что мне несказанно повезло. Ведь я пересекся с настоящим примером святости. Этот человек жил рядом со мной, дышал со мной одним воздухом, а я про нее ничего и не знал. Может, и хорошо, что не знал, это дает право надеяться, что рядом с нами живут еще и другие святые, просто мы про них ничего не знаем...

Священник Александр Дьяченко

ПОДАРОК

Муж с женой прожили вместе тридцать лет. В день тридцатилетия совместной жизни жена, как обычно, испекла небольшой хлебец — она пекла его каждое утро. За завтраком она разрежала хлеб вдоль, намазала обе половинки маслом и, как обычно, собралась передать мужу верхнюю часть. Но на полпути рука ее остановилась...

Она подумала: «В день нашего тридцатилетия я хочу сама съесть верхнюю часть хлеба. Я мечтала об этом тридцать лет и заслужила верхнюю половинку: была примерной женой, вырастила прекрасных сыновей, содержала в полном порядке дом».

И она передала мужу нижнюю часть хлеба. Такого она никогда не позволяла себе за все тридцать лет совместной жизни.

А муж взял хлеб и сказал с улыбкой:

Какой неоценимый подарок ты сделала мне сегодня! Я с детства люблю нижнюю, поджаристую часть хлеба. Но всегда считал, что она по праву принадлежит тебе.

ВЕСЫ У ГОСПОДА ТОЧНЫ

...В 1950-ом году сосед, живший с ними через два дома и работавший в сельсовете, вызвал Виталия. Приказ был из «тех самых» органов: или письменное отречение, или расстрел.

- Отречься? От Бога? Да хоть топором голову руби - не дрогну! Вот здесь, на порог, - сам положу, не дрогну - руби.

Рубить не понадобилось. Руками уже держалась винтовка, и боец с «буржуазными пережитками» выстрелил. Пуля обожгла грудь, прожгла до дыры рубаху, но отрикошетив от нательного крестика самому стрелявшему отстрелила палец.

Еще один расстрел батюшка пережил через восемь лет, уже будучи в Почаеве. Вызов в Кременец. Опять расстрел. Дымился продырявленный подрясник, но на этот раз пулю

«не пустило» маленькое мамино карманное Евангелие в кожаном переплётё. А через 3 дня стрелявший, начальник местного КГБ, был застрелен на охоте: он лежал за кустами и загорал; собаки, рыскавшие в поисках дичи, нарвавшись на него, загавкали. Охотники же подумали, что там зверь. Весы у Господа точны и не замедлит, бывает, суд; правда, не каждый этот суд рассмотрит - призыв ещё одной души на Суд Божий был признан несчастным случаем. «Ну, что хотел, то и получил», - говорил позже со скорбью о. Макарий. И часто потом слышали мы от батюшки слова его старцев: «Смерть не страшит, страшат дела - не смерти надо бояться, а греха!»

Жизнеописание схиархимандрита Макария (Болотова)

ДИВЕЕВСКИЕ ПАЛОМНИКИ

Дивное Дивеево. Четвертый удел Богородицы на Земле, на который Царица Небесная обещала низвести все благословения и Божии и Свои.

Во второй половине XVIII века Пресвятая Богородица велела Агафье Семеновне Мельгуновой (впоследствии преподобной Александре) основать на этом месте великую обитель. Общинка матушки Александры обосновалась недалеко от Саровского мужского монастыря, монахи которой окормляли духовно насельниц.

Особенностью и обычным чудом Дивеевской обители является «Святая Канавка». По велению Божией Матери преподобный Серафим Саровский устроил Ее вокруг «мельничной пустыньки», внутри дивеевской обители.

Это ров, вдоль которого Царица Небесная незримо проходит каждый день. Сестры и паломники свято чтут завет святого Серафима: «Кто Канавку эту с молитвой пройдет, да полтораста Богородиц прочтет, тому все тут: и Афон, и Иерусалим, и Киев».

Многие не упускают эту возможность - попросить на Канавке Богородицу о чем-либо своем, личном.

Пестовские паломники не стали исключением и присоединились к вечернему шествию монахинь, тихо слагая свои молитвы.

Посетили мы и знаменитый источник преподобного Серафима Саровского. Это самый известный и почитаемый в народе источник - преподобного Серафима Саровского близ поселка Цыгановка.

В 60-х годах XX века солдаты, охранявшие секретный объект, увидели старца Серафима в белом балахоне, который трижды ударил посохом в землю - и в трех местах забили ключи.

Позже, когда была устроена запруда на реке Сатис, образовалось озеро, которое наполняется водой из этих источников. Пятиметровая часовня в 2007 году освящена в честь преподобного Серафима Саровского. Холодная освежающая вода и яркий солнечный день надолго запомнятся отважным пестовским купальщикам.

Покидая Дивеево, мы с грустью думали: «Как хорошо здесь на душе у всех. Как хорошо бы сюда вернуться вновь»...

Священник Сергей Лысенко

ПРЕСТОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК В КИРВЕ

21 сентября православная Церковь празднует Рождество Пресвятой Богородицы в семье благочестивых родителей, святых Иоакима и Анны.

В маленькой деревне Кирва на окраине Новгородской области именно этому событию посвящен престол в красивом каменном храме в Пестовском районе - Рождество Пресвятой Богородицы.

Праздник начали служением Божественной Литургии. Благочинный округа иерей Сергей Лысенко в сослужении настоятеля храма, иерея Глеба Пшанского поздравил собравшихся прихожан и паломников.

Престольный праздник села Кирва завершился водосвятным молебном, крестным ходом и гостеприимной трапезой.

По благословию епископа Боровичского и Пестовского Ефрема в этот день староста храма – Елена Николаевна Рогова – за усердное служение Церкви была награждена медалью святого праведного Иакова Боровичского III степени.

Трудами и заботами рабы Божией Елены уже порядка десяти лет длится возрождение внутреннего убранства этого храма. Она смогла собрать вокруг себя многих питерских художников, реставрировавших древние росписи святыни, сумевших воссоздать утраченные фрески.

Слава Богу, из года в год продолжается духовная преемственность молитвенной жизни этого храма.

Со слов священника Глеба Пшанского

ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

1 ОКТЯБРЯ	Вс	Литургия	09:00	ПОПРАЗДНСТВО КРЕСТА
		<i>Акафист мирским чином</i>	16:00	<i>Воскресная школа для взрослых</i>
2 ОКТЯБРЯ	Пн	Литургия	09:00	ИГОРЬ ЧЕРНИГОВСКИЙ
4 ОКТЯБРЯ	Ср	Литургия	09:00	ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ
5 ОКТЯБРЯ	Чт	Литургия	09:00	ПРОРОК ИОНА
6 ОКТЯБРЯ	Пт	Литургия	09:00	ЗАЧАТИЕ ПРЕДТЕЧИ
7 ОКТЯБРЯ	Сб	Литургия	09:00	ВЛАДИСЛАВ СЕРБСКИЙ
		Всенощное бдение	17:00	
8 ОКТЯБРЯ	Вс	Ц.прп. С.Радонежского: Литургия	09:00	СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ
		Литургия	09:00	
		<i>Акафист мирским чином</i>	16:00	<i>Воскресная школа для взрослых</i>
9 ОКТЯБРЯ	Пн	Литургия	09:00	ИОАНН БОГОСЛОВ
		БОГОСЛОВО. Литургия	09:00	
11 ОКТЯБРЯ	Ср	Литургия	09:00	ЕЛИСАВЕТА ПРМЦ ВЕЛ.КН.
12 ОКТЯБРЯ	Чт	Литургия	09:00	КИРИАК ОТШЕЛЬНИК
13 ОКТЯБРЯ	Пт	Всенощное бдение	17:00	
14 ОКТЯБРЯ	Сб	Литургия	09:00	ПОКРОВ БОГОРОДИЦЫ
		ПОКРОВ-МОЛОГА. Литургия	09:00	
		Всенощное бдение	17:00	КИПРИАН И ИУСТИНА
15 ОКТЯБРЯ	Вс	Литургия	09:00	
		<i>Акафист мирским чином</i>	16:00	<i>Воскресная школа для взрослых</i>
17 ОКТЯБРЯ	Вт	Литургия	09:00	ВЛАДИМИР НОВГОРОДСКИЙ
18 ОКТЯБРЯ	Ср	Литургия	09:00	ХАРИТИНА НОВГОРОДСКАЯ
19 ОКТЯБРЯ	Чт	ЦРЬ. Причастие	09:00	АПОСТОЛ ФОМА
20 ОКТЯБРЯ	Пт	Литургия	09:00	СЕРГИЙ И ВАХХ
21 ОКТЯБРЯ	Сб	Литургия	09:00	ПРП. ПЕЛАГЕЯ
		Всенощное бдение	17:00	
22 ОКТЯБРЯ	Вс	Литургия	09:00	VII ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР
		<i>Акафист мирским чином</i>	16:00	<i>Воскресная школа для взрослых</i>
23 ОКТЯБРЯ	Пн	Литургия	09:00	АМВРОСИЙ ОПТИНСКИЙ
25 ОКТЯБРЯ	Ср	Литургия	09:00	ИЕРУСАЛИМСКАЯ ИКОНА Б.М.
26 ОКТЯБРЯ	Чт	Литургия	09:00	«ИВЕРСКАЯ» ИКОНА Б.М.
27 ОКТЯБРЯ	Пт	Литургия	09:00	АФАНАСИЙ КОВРОВСКИЙ
		Парастас	17:00	ДИМИТРИЕВСКАЯ
28 ОКТЯБРЯ	Сб	Литургия	09:00	РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА
		Всенощное бдение	17:00	
29 ОКТЯБРЯ	Вс	Литургия	09:00	ЛОНГИН СОТНИК
		<i>Акафист мирским чином</i>	16:00	<i>Воскресная школа для взрослых</i>
31 ОКТЯБРЯ	Вт	Литургия	09:00	АПОСТОЛ ЛУКА

В расписании возможны изменения.

Священник Сергей Лысенко 8(963) 33-33-269

Священник Андрей Панов 8(911)-617-56-76

Дорогие братья и сестры.
Просим вас не использовать газету
в хозяйственных нуждах.
Отдайте её почитать кому-нибудь еще.

Главный редактор: священник Сергей Лысенко
Редактор: Елена Колыбина
Учредитель: Церковь Святого Иоанна Кронштадтского
Цена свободная. Тираж 200 экземпляров.